

Мгновения жизни

Валерия Флай

СИНДРОМ САТАНЫ

Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас...
[Мф. 24:4]

И сказал Ему диавол: Тебе дам
власть над всеми сими *царствами*
и славу их, ибо она предана
мне, и я, кому хочу, даю ее;
Итак, если Ты поклонишься мне,
то все будет Твое.
[Лк. 4:6–7]

Сатана хотел бы заполучить
всех детей Евы...
Письма Баламута. Клайв Стейплз Льюис

Библейский Сатана многогрешен, многомерзок, многопасен. Он – главный антагонист Бога и всех верных ему. Он – враг человеческого рода. Он наветник. Он подстрекатель ко злу. Он соблазнитель. Он льстец. Он цинично прельщает и разрушает душу человека. Он безлюден. Он бездушен. Он бесконечно отчужден от человека.

Сатана многолик. У него много образов. У него много имен.

Он – Самаэль, Диавол, Вельзевул, Воланд, Люцифер, Денница, Лжепророк, Лукавый, Враг, Велиар, Мефистофель.

В исламе он – Иблис, Шайтан...

И еще... и еще...

За каждым его именем – иной образ, иные оттенки свойств. Но есть неизменное свойство – Сатана всегда стремится манипулировать человеком.

В образе Дьявола он искушал Иисуса. Не как Бога, но как человека.

Среди прочих искушений диавол предлагал:

«Тебе дам власть над всеми сими *царствами* и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее;

Итак, если Ты поклонисься мне, то все будет Твое”.

Иисус сказал ему в ответ: отойди от меня, сатана; написано: “Господу Богу Твоему поклоняйся, и Ему одному служи”» (Лк. 4:6–8).

Диавол искушал Иисуса. А когда окончил все искушение, «диавол отошел от Него до времени» (Лк. 4:13). Диавол искушал Иисуса как человека, не ведая кто перед ним.

Сатана успешно манипулирует человеком, безудловно, зная человеческие слабости.

Сатана, как известно, бьет по человеческим слабостям. Основных слабостей человека три.

Первая слабость – *любовь к материальным благам*. Человечество создавало предметный мир, чтобы он служил ему. Мир вещей – мир человеческого духа, мир его потребностей, чувств, образа мышления и образа жизни. Предметный мир может обернуться против человека – поработить его и властвовать над ним. Сатана потворствует этой слабости.

Вторая слабость – *любовь к мирской власти*. Человечество создало потребность в признании, чтобы каждый стремился к успеху и доказал, что он «как все» и даже «лучше, чем все». Многих людей при этом соблазняет желание властвовать над другими в мирской жизни. Сатана потворствует этой слабости.

Третья слабость – *любовь к духовной власти*. Самая провокационная, самая жестокая, самая тонкая и истинно сатанинская власть над человеком – духовная власть. Сатана потворствует этой слабости с особо затаенным вожделением. Сатана знает, что слаб человек – в нем все зыбко. Сатана жаждет совратить человека. Сатана потворствует этой слабости с особым усердием.

Искушая человека через его слабости, Сатана не успокаивается, пока ему не удастся победить. Сатана всегда, если отходит, то до времени.

Сатана бдительно дожидается, доколе не ослабевет в человеке совесть под влиянием тех или иных соблазнов. При этом любовь к материальным благам и любовь к мирской власти человек подчас может хорошо понимать как некую свою слабость. Однако человеку куда сложнее отрефлексировать, понять в себе свою любовь к духовной власти над другим человеком.

Библейский Сатана многогрешен, многомерзок, многоопасен. Он многоалчен, многовластен, многозначителен в своей многоречивости и многоликости.

Сатана опасен своей множественностью – разнообразными проявлениями своей затаенной сути. Он искуситель человека.

Когда мы в обыденной жизни уподобляем кого-либо Сатане, то имеем в виду некие качества, которые как стигма выявляют в человеке так называемый *синдром сатаны*.

Полагаю, что каждому негативному образованию личности присущ собственный психический синдром.

Синдром в психологии должен обозначать те негативные образования личности, которые закономерно повторяются в результате социальных условий, сложившихся в истории человечества, а также в результате тенденций, присутствующих в самом индивидуальном развитии человека.

Установлено: в развитии каждого отдельного человека как личности обнаруживаются как позитивные достижения, так и негативные образования. При этом, сколь ни уникален каждый отдельный человек, но его индивидуально представленные позитивные и негативные свойства являются не единственно ему присущими. Я не устаю это утверждать, так как очевидно, что человек, обладающий достаточно развитой рефлексией, может наблюдать общечеловеческие свойства в их высоком и низком воплощении повсеместно и постоянно: угадывать, прочитывать, прогнозировать и наблюдать их в других и в самом себе.

Человеку свойственно не только *видеть* и *слышать* другого человека во многих его воплощениях, прочитывая его затаенные действия, мотивы и чувства, но и *наблюдать*, как зарождаются в бессознательной сфере другого психические побуждения, становящиеся предтечами затаиваемых затем действий, мотивов и чувств.

Человек несет в себе два начала: ему присущи высокие добродетели и низкие пороки.

Человек несет в себе позитивные черты: он – добродетелен, добр, отзывчив, способен сопереживать.

Человек несет в себе негативные черты: он греховен. Его слабости и основные страсти: чревоугодие, дух блуда, дух сребролюбия, дух гнева, дух печали, дух уныния, дух тщеславия, дух гордости.

Греческое «Добротолюбие» обращает нас к наставлениям для борьбы со страстями, *для очищения сердца*.

Среди святых отцов – Иоанн Кассиан, Исихий Пресвитер Иерусалимский, Нил Синайский, Нил, Ефрем, Иоанн Лествичник, Варсанофий и Иоанн, Авва Дорофей, Исаак Сирианин. Их было много – великих и

мудрых. Сии многомудрые христиане учили борьбе со страстями. При этом они так тонко раскрыли возможности уязвления человека низкими страстями, что, пожалуй, философам, писателям, психологам имеет смысл учиться в отношении тонкости рефлексии на возможные душевные движения человека.

Святой Иоанн Лествичник писал о том, что «в неистовых страстях нет толку и порядка, но всякое бесчиние и нестроение». Принимая это суждение за истинное, я считаю, что неистовые страсти произрастают не вдруг. Они могут начаться с неясных помыслов. Эти побуждения разума – порой провокационные, подчас уводят за пределы.

В православии существует понятие «прилоги», которое по сути своей и есть неясные помыслы. Они могут свободно сопрягаться с добром и злом.

Прилоги либо приходят из внешнего мира, либо возникают из ассоциаций индивидуального опыта. Вначале прилоги не имеют нравственного окраса – они нравственно нейтральны. Но очень скоро прилоги могут подвести сознание к состоянию затмения, когда возникают фантастические состояния переживаний, казалось бы, неведомых прежде чувств, когда происходит видоизменение и перевоплощение доселе определенного «я» человека как целостной личности. Грезы абстракций порождают «зародыши помыслов» или «помыслы прилоги», которые могут, искушая, спровоцировать преступления.

Прилоги слабо опознаются и, следовательно, плохо оцениваются как возможная опасность. Прилоги как ориентировочные пробуждения свойственны нормальной человеческой психике как ориентировочные побуждения. И только в развернутом виде, в состоянии замороженного сознания прилоги могут развиваться в реальные преступные помыслы и поступки.

Аскетика восточной патристики отводит главенствующее место сознанию – «царственному» в человеке. Однако аскетика преувеличила место сознания: прилоги исподволь, затаенно, могут затмить царственный разум и сбить человека с пути обыденной жизни.

Синдром сатаны – это не сам Сатана. Синдром – всегда побуждение, рождаемое в индивидуальном сознании.

Многие нами усвоенные знания, преломленные личностными смыслами, ценностями, представлениями о собственной человеческой сущности и сопровождаемые нашими эмоциями, не могут представлять собой

окончательный монолит. Психика подвижна. Психика подвержена ориентировочному поведению.

«Что это?», «Зачем это?», «Для чего это?», «А если...» – значимые для живого человека психические формы активности, вербализованные в обыденные вопросы и сослагательные наклонения. Но именно они могут давать побуждения к прилогам.

Затаенные побуждения, заторможенные социальными ожиданиями действия, помыслы, фантазии могут взорвать запреты, смести пресловутое «нельзя».

«Можно», «нельзя» – полярные знаки пределов дозволенности, это ориентиры в социальном пространстве отношений людей друг с другом; ориентиры дозволенного в рукотворном предметном мире, в природе, в социально-нормативном пространстве.

«Нельзя» – всегда в значении запрета, недопустимости, невозможности. Это значит: не должно, запрещено, не может стать. Не только для малого ребенка, но и для взрослого, не овладевшего феноменологическим значением социального «надо!». Запрет требует прерывания действия, прерывания спонтанного побуждения, отказа от вождельного, страстно желаемого.

Человечество уже давно установило для себя, что из всех различий между человеком и животными самое важное – нравственное чувство, или совесть. Чарльз Дарвин считал, что это чувство «резюмируется в коротком, но могущественном слове “должен”, столь полным высокого значения». Он опирался на идеи великого философа Иммануила Канта. Философ объяснял и оправдывал долг: «Чувство долга! Чудное понятие, действующее на душу... одной силой ничем не прикрашенного, непреложного закона и поэтому внушающее всегда уважение...», а также: «*долг есть необходимость поступка из уважения к закону*». Вслед за И. Кантом о формальном принципе нравственности и о долженствовании как всеобщей и необходимой норме практического разума, как о безусловно-всеобщем законе писали многие философы. У этой идеи было много поклонников.

Восхищение перед чувством долга вполне разумно, однако человек по меньшей мере двоичен. Долг – да, это достойный выбор человека. Но кто сказал, что следование социальному долгу единственно возможный выбор?

Георг Вильгельм Фридрих Гегель писал о том, что наш «рассудок, который принимает грезы своих абстракций за нечто истинное и гордится *долженствованием*... как будто мир только и ждал его, чтобы узнать, каким он должен быть, но каким он не является;

ибо, если бы мир был таким, каким он *должен* быть, то куда делось бы обветшалое умствование выдвигаемого рассудком долженствования? <...> у кого не хватит ума, чтобы заметить вокруг себя много такого, что на деле не таково, каким оно должно быть?». Г.В.Ф. Гегель считал, что долженствованием тщеславится рефлексия, что леность мысли находит лазейку в долженствовании. Г.В.Ф. Гегель полагал, что «практическое чувство содержит в себе долженствование», обсуждая «знаменитый вопрос о *первоисточнике зла*», он полагал, что «зло есть не что иное, как несоответствие между *бытием* и долженствованием».

При всей моей любви и интеллектуальной приязни к идеям И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и их оппонентов хочу задать вопрос неведомо кому, просто человеку, просто другому: «Разве в этих интеллектуальных рефлексиях не присутствуют те прилоги, которые могут породить какие угодно мысли?»

Прилоги таятся в сфере наших мыслей, наших чувств, наших фантазийных и амбициозных представлений о самих себе. Все социально значимые акценты на отдельном человеке: «Я – как все»; «Я – лучше, чем все»; «Не пугайте *Меня* с другими»; «Я – это *Я*»; «Другие и *Я*» (можно: «Я и другие») – есть предмет пристального внимания общества на каждого из нас и каждого из нас на самих себя в обществе. Человек как социальная единица и как уникальная личность (как ни парадоксально это выглядит!) – единое целое. Как едины зима и лето, ночь и день, жизнь и смерть. Как едины любовь и ненависть, невинность и злодеяние, правда и ложь. Без соединения полярностей становятся непознаваемыми противоположности. Однако человек избирает для себя ориентиры и сам стремится следовать им.

Человек сам для себя вывел, что может разрушить потенциал феноменологически свойственной ему сущности. Человек *сам* решил, что любовь к материальным благам, любовь к мирской власти, любовь к духовной власти есть уничижающие его слабости. Человек *сам* для себя вывел основные страсти, которые разрушают его человеческое достоинство. Человек *сам* обнаружил, что есть в его психической природе некие помыслы-прилоги, которые могут исподволь властвовать над ним, разжигая страсти и потворствуя развитию синдрома сатаны.

Синдром сатаны пробуждается, когда человек крадет, разбойничает, убивает за обладание вещью или деньгами, когда человек в открытую преступает черту за

обладание мирской властью или затаенно дожидается момента, который дает ему заветный шанс начать властвовать над другими. Этот синдром тут как тут, когда один ощущает в себе власть над душой другого человека. Он может *наблюдать* другого в прогнозируемой им ситуации и испытывать глубокое удовлетворение от того, что его рефлексивные прогнозы, его пророчества, его тайные знания оказываются верными. Он может затаенно *подталкивать* другого к измене, к нарушению принятых людьми правил, ценностей, должностований и наслаждаться возвращенными в прилогах и осуществленными в реальной действительности чужими негативными помыслами и поступками. Наблюдая зависть другого, его хамство, его предательство и испытывая при этом чувство удовлетворения от увиденного, этот человек сам совершает падение в тартар... Однако человек не сразу понимает, что цепи ада уже облекли его (Цар. 22:6).

«Долго жила душа моя с ненавидящими мир» (Пс. 119). Синдром сатаны проявляет себя не только в провокациях другого, но и в чувстве злорадства при созерцании негативных проявлений другого.

Человек сам для себя опасен своей множественностью, многочисленными проявлениями своей полярной сути.

Человек сам для себя опасен своей амбивалентной сущностью. Подвиг его в собственной жизни – идти прямой дорогой к Храму, памятуя о том, что: «Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (1 Кор. 13:2).

Человек спасает себя любовью.

